

ПРАКТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Теоретический семинар

Атлетическая аналогия и понимание аретэ как формы практического разума или воли в этике Аристотеля

Тезисы доклада

[А.В. Лебедев](#)

ведущий научный сотрудник, сектор истории западной философии, Институт философии РАН

1. Несколько предварительных критических замечаний по поводу категории «этика добродетели» (virtue ethics) в англоязычных исследованиях античной этики. Греческая философская этика действительно характеризуется неразрывной связью с моральной психологией и установкой на воспитание идеальной личности в большей мере, нежели чем на оценке действий по легалистской шкале right and wrong. Но резкое противопоставление ее деонтологии необоснованно: Аристотель характеризует аретэ как «должное» (τὸ δέον). В некотором смысле во все века существовало две фундаментально различных школы этической мысли: этика долга и этика удовольствия. То, что называют «этикой добродетели» – по существу этика долга, противостоящая гедонизму. По закону гомологических соответствий типы этической мысли коррелируются с метафизическими парадигмами. В целом ряде исследований я подверг критике исторически и философски несостоятельную, ложную категорию «досократиков», которая не только игнорирует различие между архаическим и классическим периодами греческой мысли, но и между двумя локальными традициями, ионийской и италийской, основанными на двух несовместимых метафизических парадигмах: монистическом натурализме (ионийцы) и субстанциальном дуализме духа и материи (души и тела) – пифагорейцы и элеаты. Две различные метафизические парадигмы породили две столь же несовместимые парадигмы этической мысли: метафизическая этика «следования богу» или божественному закону у италийцев и Платона против натуралистической, чисто психологической и антропологической этики удовольствия у Демокрита и Эпикура. Аристотель во всем был «человеком середины» (месотес). В его жилах текла ионийская кровь (как в интеллектуальном, так и в генетическом смысле), но 20 лет пребывания в Платоновской Академии не прошли даром. Поэтому он дал натурализованный вариант «этики добродетели», радикально отличный от платоновского, построив систему чисто антропологической, антиметафизической этики, основав ее не на трансцендентных абсолютах Платона, а на человеческой *природе*. Именно этический натурализм позволил

Аристотелю полемизировать с Платоном, в то же время избегая тех грехов, в которых Платон (необоснованно) обвинял Протагора, то есть в релятивизме и субъективизме. «Природа» – это объективная реальность, поэтому антропологическая этика Аристотеля остается на позициях морального реализма, ничем не уступая в этом метафизической этике Платона.

2. Во втором и третьем разделе я сосредоточусь на интерпретации двух ключевых терминов в аристотелевском определении моральной добродетели: *hexis* и *prohairesis*. Главный тезис второго раздела состоит в том, что *hexis* происходит из медицинской и спортивной (атлетической или гимнастической) аналогии, которая соотносит добродетель со здоровьем: эвексия души сравнивается с эвексией тела, т. е. с физической подготовкой спортсмена. Это одновременно и иллюстративный прием для новичка, и серьезный аргумент против сократовского логоцентризма (т.н. «интеллектуализма») в этике: добродетель (аретэ) — это не то, что мы знаем (эпистемэ), и не теория (логос), а то, чем мы *становимся сами* и что мы приобретаем путем упражнения (аскесис), аналогичного трудам (*ponoi*) и тренировкам (*askeseis*) атлета.

Ссылка Аристотеля на спортивную диету питания (пример тяжелоюеса Милона) при объяснении индивидуальной «середины» (*mesotes*) и на чемпионов-победителей в атлетических состязаниях (агонах), увенчание которых аналогично моральным наградам за добродетель, принадлежат к одному и тому же медико-атлетическому метафорическому коду.

Hexis — это не «состояние» (распространенный неверный перевод), а функциональное состояние, способность выполнять определенную работу или функцию (*ergon*). Переводы «навык, предрасположенность, склонность» и «способность» лучше передают некоторые коннотации этого термина, но ни один из них не передает все эти коннотации сразу. «Добрый» (*agathos*) в сфере праксиса подобен атлету в «хорошей форме», который хорошо натренирован (имеет эвексию) для победы и чья победа в состязании будет отмечена призом и славой.

3. В третьей части я постараюсь показать, что «выбор» (*choice* в англоязычной литературе) — это неточный перевод термина *prohairesis*. Аристотелевское слово для обозначения «выбора» — *hairesis*, а не *pro-hairesis*. "Целенаправленный выбор" (Кенни) уже лучше, но это просто громоздкая перифраза термина "намерение". Ряд аристотелевских контекстов показывает, что термины *prohairesisthai* и *prohairesis* у Аристотеля означают «намереваться, планировать, заранее обдумывать» и «намерение, план» соответственно, а не «выбирать» и «выбор». Суффикс *-ikos* в *proharetikos* сохраняет глагольную силу *prohairesisthai* и обозначает *способность* формировать намерения. Широко

распространенное в англоязычном мейнстриме мнение, согласно которому у Аристотеля не было понятия воли, основано на серьезном заблуждении и неправильном истолковании термина *prohairesis*, которое (толкование) восходит скорее к схоластическому переводу *electio* (у Фомы Аквинского), а не к подлинному греческому термину *προαίρεσις*.

Способность обдумывать и формировать намерения есть не что иное, как воля. Поэтому нравственная добродетель Аристотеля – не что иное, как форма (доброй) воли. Аристотелевское определение моральной добродетели как *hexis prohairesis* «навык (или расположенность), относящийся к способности намереваться» или «навык вырабатывать преднамеренные решения» может быть несколько более свободно переведено как «расположение воли» или «волевое качество». А если это так, то некорректно противопоставлять этику Аристотеля этике Канта: и та, и другая есть этика доброй воли. И в том, и в другом случае добрая воля обладающего совершенным практическим разумом (*φρόνιμος*) совпадает с «тем, что должно» (*τὸ δεόν*).

На основании этих соображений можно предложить следующий экспериментальный перевод определения нравственной добродетели в «Никомаховой этике» Аристотеля: EN I,6. 1106b36 – 1107a2. Ἔστιν ἄρα ἡ ἀρετὴ ἕξις προαιρετική, ἐν μεσότητι οὕσα τῆι πρὸς ἡμᾶς, ὠρσμένη λόγῳ καὶ ὣι ἂν ὁ φρόνιμος ὀρίσσειε.

«Итак, доброта (аретэ) есть волевое качество, которое заключается в середине (или «пропорции»), которая определяется правилом и тем, как его определил бы человек здравомыслящий. А середина – между двух плохих качеств, одного по избытку, другого по недостатку».